

Советская идеология в лексикографическом описании религиозной лексики

Толковый словарь отражает словарный состав языка на определенном этапе его развития, фиксирует опыт языкового коллектива и является выразителем этноцентрического взгляда на мир. Толковый словарь дает нам не только информацию о языке, но он может стать источником несобственно лингвистической, культурологической информации. Через иллюстративный материал, через систему помет, а также через само толкование в словарной статье отражается и пропагандируется культурно-ценностная информация.

Внеязыковая действительность оказывает существенное влияние на развитие системы языка и, прежде всего, на лексический уровень. Язык меняется в зависимости от того, какая культура главенствует в обществе. А.П. Романенко в статье “Типы советской культуры и язык” [1999] анализирует два типа культуры, которые доминировали в обществе в послереволюционное и предвоенное время. А.П. Романенко отмечает, что язык менялся в зависимости от того, какая культура главенствовала в обществе. Язык культуры 20-х гг. (ленинский период советской истории) базировался на старом языке интеллигенции, хотя и с некоторыми изменениями. В 30-е гг. (сталинский период советской истории) пришел новый тип культуры – массовая культура, и, как следствие этого, «старый» язык поменялся на «новый». «Новый» язык порвал связи с предшествующими культурными традициями, стал языком массовым, «своим» «Новый» язык должен был отвечать требованиям простоты, доступности, ясности, поэтому он насильственно упрощался [Романенко 1999]. Именно такой язык зафиксирован в толковых словарях советской эпохи. Об этом пишут сами составители словарей. Так, Д. Н. Ушаков в предисловии к толковому словарю пишет: “История словарей показывает, что каждый из них является отражением классовых инте-

ресов своей эпохи”. Словарь Ушакова стал первым словарем, в котором была кодифицирована идеологическая норма тоталитарного общества. В первых изданиях толкового словаря русского языка С.И.Ожегова (49-го или 53-го годов) также отражена идеологическая норма, т.е. система догм, предписывающая единственно возможную оценку предмета или понятия со строго определенных культурных (а фактически идеологических) позиций. Об этом можно судить, например, по таким замечаниям, сделанным автором: “Однотомный словарь русского языка является руководством к **правильному** (выделено нами – Ю.М.) употреблению слов...” И такие идеологические установки переходили из одного словаря в другой: подобные мысли высказаны в первых изданиях Большого и Малого академических словарей.

Любое общество основывается на определенной ценностной системе, на религиозных и этических принципах. Духовным ядром русской национальной культуры является православие, именно поэтому в период тоталитаризма православие и все с ним связанное подверглось очень существенному давлению и преследованию. Православие мешало насаждению идеологического мышления, и поэтому сфера религии в эпоху тоталитаризма являлась закрытой. В советском обществе был другой объект для поклонения и сакрализации – коммунизм, а не православие, Ленин, а не Бог. Одним из результатов подобной языковой политики стало упрощение словаря за счет вытеснения религиозно-философской лексики.

Цель моего доклада – показать, как представлена религиозная лексика в толковых словарях сталинского времени, и через это представление выявить тенденции тоталитарной культуры.

В словаре Ушакова (далее – СУ) и в словаре Ожегова (далее – СО) сталинского периода (1953 г.) религиозная лексика была представлена крайне неполно, как дефектная система. Не были включены многие слова и устойчивые словосочетания, связанные с религией, например такие, как *тайная вечеря*, *прощёное воскресенье*, *каяться*, *спас*, *вознесение* и другие. В СО представлены только два праздника – *Рождество* и *Пасха*. Наименования православных

праздников устранены из СО, так как согласно тоталитарной идеологии эти явления были пережитком религиозной старины и выступали как крайне нежелательные в общественной жизни. Рядовые граждане, которые не были согласны с официальной позицией государства, жестоко преследовались властями.

Можно сказать, что господствующая тоталитарная культура, сокращая религиозно-философскую терминологию, насильственно сужала таким способом данный участок картины мира носителей русского языка.

В словаре практически не встречается номинация *православие*, в отличие от названий других религий. Эта лексема замещается неопределенным оборотом *у верующих* или отрицательно окрашенным *у суеверных людей*. В замалчивании православия проявляется, на наш взгляд, языковая политика советской власти, манипулирование общественным сознанием, поскольку бóльшая часть жителей СССР в силу традиций исповедовала православие.

Кроме количественной ущербности, сфера религиозной лексики претерпела в словаре и серьезное качественное передергивание, потому что дефиниции в словарных статьях не отличались научной объективностью, они должны были вписываться в систему господствующей идеологии. Определенная идеологизированность может обнаруживаться в языке любого общества – как идеологически дифференцированного, так и недифференцированного (см., напр., Купина 1995). Принципиально важным является вопрос о формах и способах проявления идеологизированности языковых единиц. Согласно одной из концепций, идеологизированность находит свое воплощение в социальных оценках, присутствующих в семантике слова или сопровождающих ее. Под социальной оценкой обычно понимают «оценку, производимую сознательно и целенаправленно привносимую в семантику языковых знаков в процессе номинации явлений и понятий общественно-политической жизни со стороны общественных классов, партий и социальных групп» [Солганик 1984].

Достаточно распространенной является также концепция, согласно которой идеологизированность находит проявление в специальном «идеологиче-

ском» компоненте семантики языкового знака (см.: Купина 1995, Скляревская 1995).

Семантическое своеобразие единиц религиозной сферы в русском языке советской эпохи было обусловлено наличием в их семантике зафиксированных толковыми словарями идеологизированных сем и идеологизированных ЛСВ. Идеологизированные семы могли присутствовать на уровне всех макрокомпонентов значения.

Терминологичность и однозначность восприятия плана содержания довольно четко прослеживались в толковых словарях XX века: план содержания словарных единиц русского языка советской эпохи всегда определялся с марксистско-ленинских позиций («наше, социалистическое» давалось со знаком плюс; «не наше, чуждое социализму» – со знаком минус). Таким образом, основу мировоззренческого аспекта толкования лексического значения составляла оппозиция «свой–чужой». Религиозная сфера вытеснялась за пределы «своего» и, как следствие, оценивалась негативно. К примеру, слово *религия* в СО имеет только одно значение – ‘одна из форм идеологической надстройки’. Оно полностью соответствует марксистскому учению, отвечает основным понятиям исторического материализма, согласно которому надстройка осмысливается как «совокупность идеологических отношений, взглядов и учреждений» [БСЭ, т.2: 526] и определяется базисом – «совокупностью исторически определенных производственных отношений» [там же]. В советском обществе считалось, что религия, будучи элементом надстройки, существует как пережиток [БСЭ, т.2: 527]. Именно поэтому авторы словарей должны были подчеркивать несовременность, неактуальность религиозных понятий, наносящих вред передовому мировоззрению.

Идеологизированность, яркая социальная оценочность лексики русского языка советского периода находили то или иное отражение в лексикографическом описании содержания словесных единиц и определяли их семантическую специфику как на уровне отдельного значения, так и на уровне всей семантической структуры словесного знака. Искусственность лексикографических идео-

логических добавок особенно заметна в эпоху либерализации языка [Мокиенко, Никитина 1998].

В объяснительной части словарной статьи СО наблюдаем следующие лексикографические приемы, с помощью которых идеологически корректировалась семантика слов-религионимов:

- опущен какой-либо существенный компонент (или целый их комплекс) понятийного содержания слова;

- изменена последовательность релевантных признаков понятия, а также последовательность значений многозначного слова по степени их ценности;

- в толкование вносятся оценочные элементы;

- целенаправленный подбор речевых иллюстраций.

Покажем действие советской идеологии на конкретных примерах.

В определениях лексики православной сферы часто используются как синонимы слова *религиозный*, *мистический*, *мифический*, которым составители словаря приписывают общее значение 'вымышленный'. Например: загробный '*по религиозно-мистическим представлениям: наступающий после смерти*'; херувим '*в христианской мифологии: высший ангел*'; ангел '*в религиозной мифологии: сверхъестественное существо, якобы действующее по воле бога*'.

По данным словарей синонимов вышеуказанные слова в значении не сближаются. Так, к слову *религиозный* приводится следующий синонимический ряд: *верующий, набожный, богомольный, богобоязненный, благочестивый*; к слову *мистический* – *сверхъестественный, таинственный, невероятный, чудесный*; к слову *мифический* – *сказочный, легендарный, баснословный, фантастический*. Как можно видеть, синонимические ряды данных лексем не пересекаются. Это своеобразные идеологические синонимы, за которыми стоят мировоззренческие оценки, основанные на оппозиции «свой – чужой». Составители толковых словарей советского времени, постоянно совмещая, взаимозаменяя понятия *религиозный*, *мистический*, *мифический*, способствовали их семантическому отождествлению, синонимизации. Авторы словаря реализовали идео-

логическое предписание – бороться с религиозным мировоззрением как ненаучным, нематериалистическим.

В семантике лексемы *монастырь* СО зафиксировал дифференциальный признак “объект владения”, ср.: *'религиозная община монахов или монахинь, представляющая собою церковно-хозяйственную организацию, владеющую землями и капиталами'*. «Ненавязчивое» уточнение того, чем владеют монастыри, было направлено на формирование негативного отношения читателя к монастырям, так как частная собственность была уничтожена революцией и, естественно, исключалась из системы советских культурных ценностей. Монастыри при этом выступали как частные собственники, что должно было строго осуждаться.

Проявление языковой политики и строго идеологической ориентации словаря можно видеть и в таком явлении: значения многих лексем, обозначающих религиозные обряды *креститься, венчаться* и под., представлены как каузативные, т.е. “кто-то выполняет действие под воздействием другого лица”, ср.: крещеный *'подвергшийся обряду крещения'*; исповедоваться *'подвергнуться (-гаться) исповеди'*.

Согласно официальной идеологии, проповедующей атеизм, добровольное принятие религиозных обрядов было невозможным в советском обществе, поэтому субъект такого действия не по собственной воле участвует в религиозном таинстве, а испытывает внешнее воздействие; можно сказать, подвергается насилию.

В СО толкования значений многих слов религиозной сферы имели отрицательную коннотацию. В этом ярко проявлялась идеологическая направленность словаря, соответствующая государственной задаче идеологического языкового строительства [Купина 2000: 182-183]. Отрицательная оценка по отношению к обозначаемому в СО регулярно передавалась при помощи группы идеологических маркеров (*дурман, культ, миф, суеверный, схоластический, пережиток, религиозные предрассудки* и др.), которые использовались как идео-

логические ярлыки. Эти добавки отражали наличие прагматического идеологического компонента в лексическом значении религионима.

В СО и СУ значительная часть толкований религионимов сопровождается сигналами субъективной модальности. Соответствующие денотаты оцениваются с позиции реальности / нереальности существования. Нереальная модальность регулярно передается в толкованиях лексем частицами *якобы, как бы, будто бы*, несвободным сочетанием *так называемый* и некоторыми знаменательными частями речи (например, *считаемый*). Все эти метаязыковые сигналы объединены модальным значением 'сомнение в достоверности существования объекта'. Таким образом, вся дефиниция (как целостное высказывание), включающая любой из этих показателей, приобретает модальность недостоверности, а всякое сомнительное явление не может, разумеется, быть положительным. Цель приписывания такой модальности дефинициям слов-религионимов состоит в том, чтобы навязать адресату словаря атеистическое мировосприятие, соответствующее советской идеологии, исключить религиозные понятия из картины мира как нематериалистические, ср.: рай '*в религиозно-мистических представлениях: место, где **якобы** души умерших «праведников» ведут блаженное существование*'; апокалипсис '*книга **так наз.** «Нового завета», содержащая мистические пророчества о конце мира*'; тайнство '*у церковников: обряд (крещение, причащение и др.), который **якобы** сообщает верующим особую благодать*'; а также в СУ: мощи '*высохшие, мумифицированные вследствие пребывания в сухой почве остатки человеческого тела, выдаваемые церковью (преимуц. православной и католической) за «нетленные останки» **т. наз.** святых с целью религиозного обмана*'.

И, наконец, прямая, незавуалированная отрицательная оценка религиозных понятий передается с помощью помет *презрительное, ироническое, пренебрежительное*, ср.: богобоязненный (*устар. и ирон.*); расстрига (*устар. **пренебр.***).

Советское общество усиленно занималось "атеистическим воспитанием", и поэтому мы сталкиваемся здесь с подменой духовного идеологическим. Такое

воинствующе атеистическое отношение к религии находит выражение в словарных текстах. Например: мистика '**враждебная** науке вера в божественное, в таинственный сверхъестественный мир'.

Таким образом, дефиниции религиозной лексики отражают главное свойство тоталитарного языка – идеологизированность, а также особый характер текстов советской культуры (в том числе и лексикографических текстов) – не столько информативный, сколько суггестивный характер.

Литература:

БСЭ – Большая Советская Энциклопедия. М., 1972.

Купина Н. А. Тоталитарный язык: Словарь и речевые реакции. Екатеринбург, Пермь, 1995.

Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Толковый словарь языка Совдепии. СПб, 1998.

СО – Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1953.

Романенко А. П. Типы советской культуры и язык // Вопросы стилистики. Саратов, Вып. 28, 1999.

Скляревская Г. Н. Прагматика и лексикография // Язык–система. Язык–текст. Язык–способность. М., 1995. С.63-71.

Солганик Г. Я. К проблеме модальности текста // Русский язык: функциональные грамматические категории. Текст и контекст. М., 1984.

СУ – Толковый словарь русского языка. В 4 т. Под ред. проф. Д. И. Ушакова. М., 1935–1940.